

Андрей Пустогаров

Родился в 1961 году во Львове. Автор трех книг стихов и короткой прозы. Ряд книг прозы и поэзии вышли в его переводах с английского и украинского языков. Стихи, эссе, критические статьи, переводы печатались в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов» и др. Член Творческого союза «Мастера литературного перевода».

Тропарёво¹

Идёшь в лесу совсем один,
для белок не неся провизию.
И видишь стелу: «На Берлин
отсюда двинулась дивизия».

И чуть подальше — старый дот
на запад с узкою бойницей.
Похоже, в сорок первый год
он был у смерти на границе.

И видишь деда на войне,
но все теряются детали,
и, может, оттого вдвойне
туман сгущается печали.

¹ Тропарёво — ныне городской район на юго-западе Москвы.

Но жизнь покуда бережёт,
хотя в ней мало материнского,
и он то едет, то бредёт
в рядах Второго Украинского.

И, заслоня дочь и дом,
вонзает штык в гнездо злодея,
и выживает, видя в том
национальную идею.

.....

Мне смерти память отшибали,
и мой архив не первосортен —
пропали многие медали,
но сохранился дедов орден.

И мне напасти нипочём
и, может, даже холода —
с одним облупленным лучом
мне светит Красная Звезда.

Коля Гоголь

Парафраз на тему Юрия Кузнецова

На верёвочной лестнице в цирке
Коля Гоголь летел над толпой
к звёздно-синим софитам впритирку,
как комета, блестящий и злой.

И с сидений вскочили слепые,
чтоб его ухватить на лету.
— Приведите, ступайте за Виём!
— Подымите же веки ему!

Увидал его Вий — он сорвался,
грянул оземь и вылетел дух.
Но снаружи глашатаем Спаса
закричал предрассветный петух.

И какая-то сдвинулась малость...
И незрячая зрителей рать
на арене напрасно топталась.
Не смогли даже тела сыскать.

Рождественская история

Стояли времена Петлюры,
еврейские погромы шли.
В один декабрьский вечер хмурый
в лесах житомирской земли

с младенцем пряталась Мария
у перекрёстка двух дорог.
Вдруг слышит — едут верховые.
И с ними дьявол или Бог.

Ветрами тучи разодрало,
и в ясном небе без труда
над тёмным лесом заблестала
на Марс похожая звезда.

Они младенца увидали,
и придержал коней отряд,
и трое по куску отдали
им мыло, хлеб и рафинад.

Прислать подводу обещали,
а сами торопились в бой.
И на холсте дары лежали
под ёлкой с красною звездой.

Градижск²

Снова сокол скользнул надо мною.
Значит, юность проведать пора.
Пожелтев от тяжёлого зноя,
там стоит среди степи гора.

В ней казацкие спрятаны скарбы
над извилистой узкой рекой.
Мягкой синью, наверное, Нарбут
написал эту осень такой.

А с горы разглядишь очертанья,
будто лук, напряжённой реки.
И поедут холодною ранью
на Азов на возах чумаки.

Я развею печали по ветру.
Ежевикой заросший курган
жертву примет для чёрной Деметры
красной кровью разодранных ран.

Для чего? Чтоб в ковыльном просторе
до конца позабыли меня.
Чтоб мешалось тяжёлое горе
с лёгким золотом звонкого дня.

Чтобы степь без конца и начала,
горизонт на рогах у волов.
Чтоб лазурь, будто песня, звучала
со словами, а после — без слов.

² Градижск — посёлок на берегу Кременчугского водохранилища.

Вокзал Термини³

Весь мир — вокзал Термини.
В отчаяньи глядишь,
как этот поезд синий
уходит на Париж.

Вокруг, как в двери рая,
толкается народ —
поёт, не унывает,
с тобою тут живёт.

С тобой живут на свете —
с руки вам, не с руки —
родители и дети,
солдаты, батраки...

Галдит массовки стая,
все вышли на перрон...
И, что-то понимая,
ты говоришь вдогон:

Лишь телеграфных линий
меж нами провода...
Весь мир — вокзал Термини.
Простимся навсегда.

³ «Вокзал Термини» (1953) — фильм Витторио де Сика.

На выставке Семирадского

(картина «Танец среди мечей»)

Среди морского и безжалостного лета
античный антураж совсем не скуп,
но глазу интересны капли света,
что падают танцовщице на круп.

Пусть свет с небес идёт жестокий, адский,
но глаз вбирает моря синеву,
не щурясь — академик Семирадский
рисует тень и луч, прошедший сквозь листву.

Среди лазурно-обжигающего лета
душе не надо ничего взамен:
теней узор да пятна света,
всё остальное суета и тлен.

«Невинный»⁴

И, если объясняться вкратце,
то ты как будто взаперти —
жизнь стала только повторяться.
Тебе захочется уйти.

От этой мысли невесёлой,
похоже, средства лучше нет,
чем верный гладкий и тяжёлый
сглотнувший пулю пистолет.

И женщина, не сожалея,
к уделу новому спеша,
бежит из дома по аллее,
как отлетевшая душа.

⁴ «Невинный» — фильм Лукино Висконти (1976) по роману Г. д'Аннунцио.

Ингушетия — водопады.
Опустевший Джейрах⁵.
В стройных башнях столько бравады
и покоя — в горах.

Напусти по ущелью тумана,
скрой Эльбрус.
Получить в сердце рану
я боюсь.

Хоть орёл на ветру держит крылья,
свет весь сносится прочь.
Засыпает нас чёрной пылью
ночь.

Провожая день короткий
февраля иль января,
бьёт в глаза прямой наводкой
эта резкая заря.

Ни о чём теперь не споря,
про любовь не говоря,
мы с тобой пойдём по морю,
как «Кореец» и «Варяг».

⁵ Здесь: Джейрахское ущелье.

Метель за оттепелью длинной...
 Последний белый снег лежит.
 И с неба розовый и синий
 в его вмешались колорит.

Как будто баба молодая,
 пальто набросив и платок,
 детей с гулянья забирая,
 на двор выходит без чулок.

Прогулка по пустыне

Этот цвет вверху до боли синь.
 Облако, как первенец творенья,
 бродит над поверхностью пустынь
 на ладонь лишь до прикосновенья.

И под ветром чёрный солончак
 шепчет, точно сутру или суру:
 «Здесь простора глиняный костяк
 можешь взять и написать с натуры.

И лови глазами этот свет,
 молодой и жгучий, как богиня.
 И стены и башни силуэт
 прочитай как «Смерть»⁶ на фоне синем.

И назад иди сквозь долгий день —
 лагеря вдали увидишь точки.
 Там палаток укрывает тень
 и привозят воду в жёлтой бочке.

⁶ Очертания написанного по-арабски слова «смерть» напоминают башню и примкнувшую к ней стену.

И когда под вечер станут петь
и огонь запляшет на равнине,
позабудь про солончак и смерть
пред лицом смеющейся богини».

Вечер в Самарканде

Шах-и-Зинда среди выжженных бугров
как бы Сан-Марко на лагуне.
Два сторожа там доедают плов,
когда приходит кто-то юный.
Не местный. И его впускают внутрь.
Средь изразцов он бродит по дорожке,
пока тускнеет неба перламутр
и звёзды загораются, как плошки.
Уходит. И его на разговор
два парня подзывают под чинару.
Один — мечтает посетить Загорск
и к святости там приобщиться старой.
Другой — бродячий хиппи из Литвы,
что оказался вдалеке от дома.
Он автостопом странствовать привык
и переехал море на пароме.
Пока они об этом говорят
и ветерок шуршит в листве, как муза,
предсказывают звёзды им распад
единого Советского Союза.
Что с ними будет? Тот убит.
А этот в Англии торгует анашою.
А третий вспоминает прежний быт
с какой-то чуть заметною тоскою.
И думает: вот рухнула страна
и стали все свободными, как птицы,
но как же постарели времена
и тесно, хоть распахнуты границы!

Оставь ворчливую подругу,
катись на шелест тростника,
ведь поезд так уходит к югу,
как жизнь сквозь пальцы в облака.

Над степью на ухо лазури
такую весть шепнёт сорняк,
что из причёски ворох дури
вагонный выдует сквозняк.

И, очутившись на просторе,
на синий глядя разворот,
ты только ахнешь — память в море,
как змей воздушный, упорхнёт...

А стрелочник выходит в кепке
из двери своего ларька,
и ласточек хвосты-прищепки
на провод крепят облака.

Июнь, а в воздухе как будто осень...
И за церковей далёкие буйки
на поворотах горизонт заносит.
Как муравьи, снуют вдоль берега мальки.

Над озером ветра всплеснут руками —
так отчего нам лета стало мало!
Но, может, кто-то ждёт за облаками,
обед, чтоб не остыл, укутав в одеяло.

Кучер-день завалил бричку спьяну,
колесо укатилось в бурьян.
И закат засветился багряно,
точно кузня цыган.

Ветер выплавил звёздочек олово.
В воронёную воду глядясь,
ночь повесила умную голову
на высоких мостов коновязь.

И луны отыскалась подкова —
на копыто подбили опять.
В дальний путь провожая всех снова,
две Медведицы вышли плясать.

Косів⁷

Звук полный полночи живой.
Река, как пёс, в ущелье рыщет.
А дом стоит, как часовой,
о край еврейского кладбища.

Без фонаря в саду — беда:
о сумрак можно уколоться.
И, звякнув о ведро, звезда
летит стремглав на дно колодца.

⁷ Косів — городок в Карпатах.

Стрыйский парк

Город прежде стоял на кресах⁸,
мы росли на холмах.
нас водили в поросший лесом
длинный узкий овраг.

Через арку пройдя, попадали
в сокровенные эти места,
где был сумрачен мир, как в начале,
до прихода Христа.

И бросали мы корки хлеба,
им, бродящим вдоль берегов:
чёрный лебедь и белый лебедь,
словно смерть и любовь.

Обойдя уже давно, наверно,
всё, чем этот город знаменит,
я смотрю на прихоти модерна,
на атлантов и кариатид.

Весело смеются маскароны...
Я смотрю, и выводы ясны:
если ставить на людей балконы,
жди войны.

⁸ Кресы — окраины, польское название Западных Украины и Белоруссии.

Ствол бурей вывернут — такой уж год! —
а дерево лежит и зеленеет
и, может быть, ещё и поживёт,
пока дожди теплу не сломят шею.

Вот так и я — не говори, что дуб,
скажи, что клён или хотя бы ясень —
бодаюсь с ветром шевеленьем губ,
и только мне исход ещё не ясен.

Прогнил брус на заборе
за тридцать лет.
Так обветшаешь скоро
и ты, поэт.

Скреплённая нескупо
слетит вагонка строк,
и свет насквозь проступит.
Дай срок.